

Владислав Санников

Багровая тень прошлого

16+

Владислав Санников
Багровая тень прошлого

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Санников В. В.

Багровая тень прошлого / В. В. Санников — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Страшная багровая тень многих времён легла своей кровавой пеленой на поколения людей, среди которых были достойные сыны своего отечества. Это произошло в то время, когда разрушались традиции, великие ценности, духовность, православие, мораль, всемирная история и многое другое, что относилось к понятию «человек с большой буквы». Вместе со всем этим и умирало в разрухе и полном хаосе всё то, что называлось великой державой. Обложка стилизована, автор обложки и стилизации Зуев А.А.

© Владислав Санников, 2016

Предисловие

Эта повесть написана о времени развала страны и гибели многих поколений, когда святая вера в правду и справедливость была предана, осквернена и раздавлена собственным правительством, которое развалило страну и продало её с потрохами. Это было время, когда текли моря крови советской молодёжи, погибавшей от безвыходности и горя, люди, которые верили и служили своему народу и государству, были уничтожены. Происходил наглый коррумпированный захват правления страны, захват власти и предательство своего народа и своей нации. Погибал народ, захлёбываясь в слезах, погрязнув в нищете и безработице, заводы были разграблены и проданы. Промышленности не стало, сельское хозяйство было разрушено. Вооружение остановлено. Науку заморозили и перенесли в статус проигрышного предприятия, она просто-напросто стала не нужна. Слова честь, совесть, порядочность, стали осмеивать и уничтожать. Страна превратилась в руины, Запад показал превратный, омерзительный вид лживой свободы. Народ опрометчиво кинулся искоренять святые ценности, росла наркомания, проституция, разбой, коррупция, хамство, воровство. Молодёжь того поколения не знала, как найти себе применение и в чём. Страна разделилась на два лагеря – богатых и бедных. Началась необъявленная гражданская война, геноцид, следом за этим началась негласная бактериологическая война, которая уничтожала мозг и кровь человека. Чиновники делили страну по кусочкам и наживались на горе людей, уничтожая народ и страну. Вечная память всем погибшим и уничтоженным системой страны, которую мы называли Родиной.

Конец восьмидесятых, начало девяностых. Дворы, пресловутые но, родные дворы. Всегда заполнены людьми – бабушками, мужчинами пенсионного возраста, молодыми мамами, гуляющими с детьми и, конечно же, молодёжью.

– Здорово,! Давненько не виделись!

– Здорово, Чырыга! Ты когда пришёл с армии?

Он шёл ко мне навстречу, как всегда, в своём адидасовском спортивном костюме (в то время восьмидесятых годов спортивный костюм фирмы “Адидас” был редкостью и стоил огромных денег, за такой костюм могли проломить голову в тёмном проулке и снять костюм уже с окровавленного трупа). Он, резко вывернув из-за угла дома, как всегда, шёл своей стремительной и быстрой походкой вприпрыжку. Так мог ходить только он, и многие пытались ему подражать, но все знали, что это была походка только одного человека по кличке Чырыга.

(Чырыга. Пропал без вести, предположительно убит.)

– Уже две недели как пришёл. Ты чем занимаешься? – резко спросил он меня.

– Да ничем, – ответил я ему, задумавшись над этим вопросом.

Потом я часто вспоминал, откуда пошла эта цепная фраза: «ты чем занимаешься».

– Совсем ничем? А ты с кем?

– В смысле с кем?

– Ну, на кого ты работаешь? – продолжал спрашивать Чырыга.

– Я? В каком смысле на кого, ни на кого!

Чырыга прищурился, усмехнулся и почесал затылок.

– Приходи в зал завтра, к шести. Придёшь?

– Приду! – ответил я уверенным голосом.

– На! Держи ключ от зала, если придёшь раньше, откроешь, начинай разминку, а я приду ровно в шесть. Только смотри не опоздай.

– Не опоздаю!

– Надеюсь, смотри, у нас всё точно!

Он протянул мне ключ, хлопнул по руке,

– Ну всё, до завтра, – сказал он и ушёл в сторону пятиэтажных домов.

Я пошёл в противоположную сторону. Чырыга был старше меня года на четыре, мы с ним учились в одной школе и жили в одном доме на одной лестничной клетке.

Чырыга был мастером спорта по боксу и его очень редко видели в дворовой тусовке. Он был очень подвижен и неусидчив, ему требовалось движение, всё время у него находились какие-то дела.

Я думал, как же это так, что он пришёл с армии две недели назад, а я за это время ни разу его не увидел. Но это всё было объяснимо, потому что и раньше я видел его очень редко. И лишь иногда, он пронёсся стремительной своей походкой, вылетая из подъезда, куда-то быстро удаляясь и, так же резво возвращался обратно, но только уже глубокой ночью.

Я шёл к пожарной части, возле которой часто собирались мы. В те годы молодёжь собиралась везде, возле каждого подъезда. В каждом дворе стояли лавочки, на которых сидели ребята. Иногда было совсем нереально дойти до того места, куда ты шёл. Маршрут очень часто сбивался и менялся. Потому что, подойдя к очередной тусовке, можно было застрять там надолго с разговорами или вместе отправиться куда-то по другому маршруту дворовых походов.

По пути пожарной части я встретил Дефа он шёл туда же. (Деф. Убит киллером).

Мы поздоровались и пошли вместе. Деф молчал, вышагивал ровно и часто поправлял свой спортивный костюм. Он был старше меня лет на пять, накаченный парень со стальными огромными мышцами. Ходили слухи, что бицепсы у него самые большие в нашем районе, а то и в городе. Деф был весёлый рассудительный парень, лишь только грозный вид отпугивал тех, кто его не знал. Мы подошли к пожарной части. Там было человек восемь ребят и три пожарника, работающие в этой части. Они стояли в полукруг возле лавочки. Мы подошли и поздоровались, хлопая каждому по руке. Разговор немного приутих. Так было всегда, когда кто-то подходил, а особенно когда подходил Деф.

Пауза длилась недолго, начали шутить, рассказывать анекдоты, потом травить ребяческие байки. Каждый старался быть лучше предыдущего рассказчика и приукрашивал свой рассказ всё ярче. Все понимали, что в каждом рассказе есть только доля правды, а всё остальное фантазия рассказчика.

Пожарники временами уходили в часть, потом опять возвращались, а то и вовсе уезжали на вызов, но это было очень редко. Их часть была вспомогательной, и поэтому они чувствовали себя превосходно и раздольно. Ребята знали все смены и начальника пожарки, и поэтому у всех были тёплые и дружеские отношения.

В пожарке собирались все ребята по любому поводу. Просто для времяпровождения, помыть машину, поиграть в нарды, а иногда даже и в карты на деньги. С ранней весны до поздней осени всем хватало места на улице, но уже ближе к холодам старались укрыться внутри. Правда, вовнутрь всей огромной гурьбой начальники смен не пускали. И, как правило, старались все оставаться на улице возле части и только временами заходили греться. Очень часто получалось так, что под предлогом погреться заваливались все собравшиеся, как всегда, начинались разговоры и байки, все оставались в помещении и начальник части на нас уже не обращал внимания.

На следующий день, как и договаривался с Чырыгой, я отправился в спортзал чуть раньше, чтобы не опоздать. Пришёл я без пятнадцати шесть. Открыл зал и по скрипучим крашеным полам прошёл в раздевалку. Переоделся и приступил к разминке. Первый раз в спортивный зал по боксу я пришел, когда мне было лет десять. Я помню этот момент, когда сердце невероятно билось, то ли от страха, то ли от восторга и новых впечатлений. Тренер поставил меня в спарринг с пареньком, уже имевшим какой-то юношеский разряд, и сказал нам: «Работаем одной левой». Вокруг канатов собрались зеваки, и все подзадоривали этого парня. Мне было досадно, что никто не кричит мне, как ему: «Давай, давай!» Но к моему удивлению, я

начал очень хорошо двигаться и маневрировать в ринге. И в результате я победил, это был мой первый раунд. Тренер сказал мне:

– Молодец, если не пугает тебя перспектива этого спорта, то можешь приходить, ты записан в группу.

Так я стал посещать секцию бокса.

Правда, перспектив не получилось. Я много прогуливал, занимался недобросовестно, на соревнования отказывался ездить. Это потом, спустя время, я понял свою ошибку и начал стараться нагонять упущенное, но, вероятно, было уже поздно. Так вот, я переоделся и начал разминку, как делать разминку, я, естественно, знал. Вскоре пришёл Чырыга. Он зашёл молча, поздоровался, пожав руку, и прошёл в раздевалку. Минут через пять вышел и начал делать разминку.

– Значит, говоришь, ни с кем не работаешь? – спросил он.

– Нет, ни с кем.

– Это хорошо. А чем бы хотел заняться? – спрашивал он меня со всей серьёзностью в голосе.

– Не знаю.

Я слабо понимал, о чём идёт речь, что он имел в виду.

– Понимаешь, – сказал Чырыга, – сейчас такое время, когда всё пустили с молотка, страна разваливается, те, кто стоит у власти, хапают себе вагонами и заводами, самое время не упустить свой шанс, понимаешь, о чём я говорю?

– Понимаю, – ответил я, на самом деле слабо понимая, о чём он говорит. Хотя для меня только потом прояснилось всё сказанное.

– Время сейчас такое, если сейчас не действовать, то потом будет поздно, можно многое упустить, сейчас есть для этого самый настоящий шанс!

– Да, это точно, – старался я ему поддакивать, как бы понимая всю серьёзность происходящего. Но на самом деле, для меня всё это было запутано и непонятно. Мне больше хотелось прозрачности и откровенных историй, но Чырыга говорил какими-то ребусами и загадками. Мы сделали разминку, и перешли к снарядам, он начал стучать по груше, я начал приставать к нему с вопросами, с просьбами показать мне какие-то новые приёмы, которые я не знал. Потом и вовсе стал просить встать в спарринг со мной.

– Зачем тебе всё это надо, – отозвался Чырыга, – вон стучи по груше, это полезнее.

Но я не успокаивался. Тогда он согласился. Мы перелезли через канат в ринг, намотали тренировочные бинты, надели боксёрские перчатки. Начали двигаться, мне хотелось показать, что я умею, и я начал активно боксировать левой, периодически включая правую руку. Он уклонялся и ставил блоки, на мгновение я подумал, как хорошо у меня получается. Но я ошибался. Он всего лишь изучал меня и прощупывал лёгкими ударами. И вдруг! Бац! Его удар проходит, как молния, мне в челюсть. В глазах потемнело, голова закружилась, и я повалился на канаты, мне повезло, что они оказались сзади. Я закрылся руками, в ушах стоял гул.

– Эй, эй! С тобой всё нормально? Как ты, живой? – услышал я голос Чырыги.

– Да, да, всё нормально.

– Ну, что продолжим? – спросил Чырыга.

– Нет, хорош! На сегодня я получил свою порцию урока.

– Я же говорил тебе, лучше работай по груше. Я не могу просто двигаться в ринге. Я как попадаю туда, реагирую, как бык на красное, меня сразу клинит, партнёр становится соперником, а соперника надо побеждать, так меня учили.

– Да, ты прав, я погорячился, когда попросил тебя встать в спарринг, у нас же разные категории, да и профессионализм твой гораздо выше.

– Так-то оно так, – ответил Чырыга, – но всё же ты молодец, не испугался со мной боксировать.

Я пошёл в раздевалку, умылся, немного отдышался и начал работать по груше. Голова продолжала гудеть, и стояло лёгкое чувство тошноты. Я понял, что у меня сотрясение. Такое бывало после тренировок, особенно когда соперник оказывался сильнее. Опять мне сегодня не спать ночью, подумал я, но главное, я боялся, как бы не было сильной тошноты и рвоты, рвоты у меня никогда не было, но ребята рассказывали, что у них случалось такое, особенно после уличных драк, которые бывали очень жёсткими. Дрались часто и выясняли, кто сильнее. Мерялись силой между собой, силой и властью дворов и даже районов.

Первая драка моя была во втором классе. Даже трудно было сказать, из-за чего она получилась. Обычно всё происходило спонтанно, кто-то не так сказал, или кто-то стравливал, говоря что-то не очень хорошее. Вот и дрались все по пустякам, начиная с самого юношеского возраста. Не могу сказать почему, но во мне с юных лет пытаются разглядеть лидера, того самого, который бы мог, возглавить стаю. Люди живут по таким же принципам, как и животные. Одним нужен вожак, другие сами стараются быть вожаками и грызутся за первенство, уничтожая придуманных соперников, или же действительно по-настоящему таких же, как они, посягающих на это место лидерства. Уже в школе, с самых начальных классов, я почувствовал, что ко мне, как к сопернику, относятся некоторые ребята, которыми движет этот звериный инстинкт. Я и после, на протяжении всей жизни, не переставал убеждаться в этом, уже знакомом мне чувстве. И у меня на почве врождённой моей харизмы и внутреннего лидерства постоянно возникали конфликты. Заметьте, что по-настоящему сильный человек какой-то особый, он сдержанный, уравновешенный, добрый, спокойный, справедливый, он может всегда уйти в сторону, не создавая дальнейшего конфликта, хотя зачастую его сила и ум превосходит нападающего на него. Люди, которые думают, что они сильные и властные, обычно крутятся, дёргаются, как черви на раскалённой сковородке, лают как шавки, кидаются, пытаются показать своё превосходство и себя, возвыситься над другими, удовлетворяясь своей подлостью. Таких людей, к сожалению, очень много, их часто считают за сильных. Находятся те, кто начинают прислуживать им и преклоняться перед ними. Это только на войне, в штыковой атаке нужно быть дерзким и ловким, а в гражданской жизни порядочность принимают за слабость, а хамство за силу и ум. Есть люди, которым не нужны кумиры, они в основном тихие, спокойные и держатся вдали от всех, не подпуская к себе близко «друзей», которые хотят увлечь их своим лжелидерством.

Почти с самых начальных классов в школе среди ребят началась борьба за лидерство. Мне не нравилось всё то, что происходило в отношениях между ребятами нашего класса. Да и вообще, это вполне естественно, когда нам не нравится кто-то, а кто-то, наоборот, очень симпатичен. И отношения со стороны окружающих к нам такие же, либо симпатизирующие, либо антипатические. Но когда участвуют люди с низким развитием интеллекта, то это всё превращается в войну и выяснение отношений.

Как-то в классе седьмом, мой одноклассник по кличке Разан сказал мне на одной из вечеринок (Разан. Был осужден. Умер на свободе, передозировка):

– А я думал во втором классе, что ты у нас лидер.

Мне тогда было очень странно слышать от него эти слова. Ведь я никогда не стремился возглавлять какую-то компанию. А вот он стремился, и у нас с ним, действительно, периодически возникали конфликты. Видно, ему воображение не давало спокойно жить. И я был для него, воображаемым соперником. Спустя время, Разан и впрямь стал для некоторых ребят лидером своей шайки. Многие ребята из класса поддались под его способность верховодить и отчётливо начали следовать за ним. В нашем классе были и другие ребята, которых прельщала слава и лидерство. Были и другие, например, как я, мне была безразлична вся эта мышьяная возня. Мы чётко знали, что могли постоять за себя и не лезли в клан, созданный нашими одноклассниками. Так уж выпало мне, не знаю почему, но моё лицо и моя индивидуальность не давали покоя другим. По этим причинам, у меня возникали всевозможного рода конфликты,

в разном возрасте. И время от времени, мне приходилось защищать кулаками свою честь и доброе имя. Мне никогда не нравилась толпа, я не любил находиться в общей массе. Я всегда ощущал некое волнение и напряжённость. Ну, это и очевидно, потому, что никогда не знаешь, от кого чего ждать.

Уже в начальном классе, я подрался со своим одноклассником Мишкой, которого подослали старшеклассники, чтобы спровоцировать эту драку. Ими было всё продумано и в стандартной схеме отработано. Он начал говорить что-то обидное. Слово за слово, мы начали толкать друг друга. Тут подлетели старшеклассники, потому что это всё было на перемене, и кто-то из них сказал мне, что я буду махаться с Мишкой. (Мишка. Осужден.) Так называлась раньше драка, я сказал, что буду, им этого и было надо, они обрадовались, что спровоцировали драку. Окружающие на перемене слышали это, и слух расползся быстро по другим классам. Мы пошли на урок. Со мной сидел за партой одноклассник Алексей, который, как и я, плевал на все кучки и шайки, созданные в нашем классе (Алексей. Умер. Инфаркт). Лёха был хороший парень, он отличался от всех тем, что совсем не ругался матом, не курил, как многие, был добропорядочным, старался хорошо учиться. На физкультуре, он был первым, по росту, а я четвёртым. Он был чем-то похож на свою мать, хорошую ответственную женщину, которая всегда переживала за своего сына.

Да, конечно, я волновался. Но одноклассник Лёха, меня психологически поддерживал и настраивал. Закончился урок. Не знаю, по каким причинам, но эту драку почему-то перенесли на другой день. Ко мне подошли старшеклассники и сказали, что мы будем драться завтра. «Завтра так завтра», – сказал я. Мы с Лёхой шли в одном направлении домой, он жил чуть подальше, на соседней улице. Шмыгая носом из-за гайморита, он убеждал меня, что мне сегодня надо усиленно позаниматься физическими упражнениями и подготовиться к завтрашнему дню. Придя домой, я бросился делать упражнения с гантелями, которые подарил мне отец. Обычно гантели лежали без моего внимания, и я не так часто подходил к ним. Но в этот раз, моя настойчивость удивила отца, ему сразу бросилось в глаза, что я, придя со школы, даже не сядя за уроки, взялся тут же за гантели, которые раньше меня так сильно не интересовали. Конечно же, он понял, в чём дело. Отец подошёл ко мне и попытался успокоить:

– Ты перегрузишь себе мышцы, и завтра они будут болеть. И если тебе придётся завтра драться или понадобится делать что-то физически, то ты не сможешь это сделать на все сто процентов. Тут главное голова, психологический настрой и спокойствие.

Он говорил мне это, ничего не спрашивая о том, что у меня произошло. Но было такое впечатление, что он в курсе всех событий и как будто знает, что завтра мне предстоит встретиться с соперниками, которые затеяли это специально.

Настал следующий день, конечно, моё волнение присутствовало, и я не мог сказать, что я оставался совершенно спокойным. Целый день обстановка оставалась натянутой и мешала сосредоточиться на уроках. Но уже после уроков, толпа зачинщиков подошла ко мне, и опять спросили, буду ли я махаться. Я, так же как и вчера, твёрдо согласился. Тогда они позвали меня на улицу, и там ждал меня уже одноклассник, с которым мне предстояло драться. Перекинув ремешок школьного портфеля, я пошёл с этими ребятами на улицу на школьное крыльцо. Мы вышли на центральное крыльцо школы, спустились вниз. Огромная толпа зевак уже сбегалась посмотреть. В стороне стоял мой одноклассник, и ему что-то нашептывал старшеклассник, готовя его к драке. Я старался не показывать своего волнения, но всё равно, мне кажется, было видно, как я волнуюсь. Я положил портфель и снял школьный пиджак. Одноклассник Мишка направился в мою сторону, я сжал кулаки. Когда он подошёл ко мне, я первый нанёс ему удар по лицу. Мы начали бить друг друга, а ребята окружили нас кольцом и взялись за руки, создав нам ограниченное пространство, как в ринге. Я слышал сквозь крики, как друзья моего одноклассника поддерживали его скандированием. Мы останавливались с небольшой передышкой и вновь продолжали молотить друг друга. Конечно, это были детские, не окреп-

шие удары, которые были больны и неприятны, но менее травматичны, чем удары взрослого, уже окрепшего физически человека. Я махал руками, старался не останавливаться и не давать ему попадать своими кулаками по мне. Но, конечно, это было невозможно, и мы беспорядочно долбили друг друга. Вот уже и рубашка моя была разорвана, и брюки все в пыли. Я уже слышал, как кто-то из толпы подзадоривал меня, и это помогало мне собрать новые силы и не сдаваться. И вот, наконец, мой соперник зажался руками и стал просто закрываться от меня, он поворачивался спиной и приседал, чуть не падая. Из его носа текла кровь, и его рубашка покрылась кровавыми пятнами. Кто-то из ребят закричал:

– Всё, достаточно, хватит!

Я отошёл в сторону, мои руки дрожали и голос тоже, дыхание было усиленное и воздуха не хватало. Я никак не мог отдышаться. Я встал в сторону, а мой соперник сел на корточки, к нему подошли старшеклассники и спросили его, будет ли он дальше драться. Он сказал, что нет. Тогда, один старшеклассник подошёл ко мне, и сказал:

– Молодец, ты победил!

Толпа зевак стала расходиться, а когда кто-то увидел приближающуюся к школе учительницу, то все и вовсе бросились наутёк за угол школы. Так произошла моя первая драка.

Аналогичные драки происходили всегда. Почти что каждый день кто-то пытался выяснять отношения именно таким примитивным методом. Я никогда не был задирой и никогда не преклонялся перед хамством подонков и негодяев. Эти люди всегда были мне неприятны, они считают себя силой и хотят подмять под себя остальных. Но на самом деле они трусливы и слабы так же, как те, которые следуют за ними. И иногда уже спустя время я доказывал себе и им, кто они есть на самом деле. Например, уже после класса восьмого, на одной из вечеринок, я набил морду Разану, а ещё спустя пару лет, я был вынужден, ещё раз поколотить его, конечно же, за правое дело. Разан был очень странный человек, который на школьных уроках рисовал войну в своих школьных тетрадах. И рисовал в основном немцев, он восхищался ими, и его вдохновляла немецкая форма, от которой он был в восторге. Его отец работал в милиции, и откуда у Разана была такая страсть и любовь к немецким захватчикам, я затрудняюсь сказать. Я помню, что в начальных классах мы даже дружили и сидели за одной партой, и в его представлении я был лидером в нашем классе. Но, видимо, когда мы стали взрослее и он увидел, что я не стремлюсь верховодить, то ему захотелось это сделать самому. Вот так у нас в классе образовалась первая шайка-лейка, именно так я стал называть их, смеясь над их компанией.

Всё так же, конфликты продолжали происходить на моём жизненном пути, постоянно, как говорят, на пустом месте. На первом курсе произошло то же самое, как когда-то в школе. И так же после занятий мы вылетели на улицу и кинулись лупить друг друга. А толпа студентов стояла чуть в стороне и ухмылялась. Я помню этого парня, он был неуклюж, рыжий, с конопушками и носом большим, как огромная картошка (осужден). Он был до ужаса вредный, задиристый и высокомерный. Его приятель тогда швырнул на уроке в меня какой-то тряпкой, которая валялась в аудитории, сам спрятался, а этот рыжий стал покатываться со смеху. Вот так и началась драка. Его рыжая в конопушках морда не ожидала, что я тоже швырну в него этой тряпкой, да ещё метко попаду ему прямо в его конопатую физиономию. Он взбесился, лицо его покраснело, и глаза расширились от злости. Драться он совсем не умел, но лупил по-деревенски куда попало, не давая опомниться. Мне пришлось всего лишь немного потерпеть и поймать момент, чтобы сбить его с ног. Остальное было лишь делом техники. Я не люблю бить ногами, но иногда для успокоения и усмирения наглеца приходилось ударить разок-другой. Вообще я всегда старался уйти, если предвидел что-то нехорошее, ведь общаться с такими людьми не доставляет удовольствия. Когда человек дурак, и ты случайно попадаешь под влияние этой глупости и неадекватной ситуации, то невольно сам становишься таким же, как и он. А быть пустым, безвольным и чувствовать, как превращаешься в идиота, мне не нравилось. Да и слушать после оправдания тех дураков, с которыми сталкивала судьба и случай, мне совсем

не хотелось. Это глупые люди, которые, наверно, считают себя крутыми героями, которые по истечению времени жалобно начинают оправдывать себя, всё это до ужаса противно слышать и видеть. Вначале они совершают преступления, а потом начинают искать защиты.

Такой случай был раз в кинотеатре, когда я пришёл туда с приятелями, а сеанс ещё не начался. Кто-то сзади мне на шею набросил верёвку и начал душить. В глазах начало темнеть и я не мог вымолвить ни слова, мои приятели ещё не зашли в зал, и я в этом ряду сидел один. Я пытался просунуть пальцы под верёвку и хотя бы немного ухватиться и оттянуть её от шеи. Я слышал сквозь уже начавшийся гул в ушах, как кто-то смеялся за моей спиной. Не знаю, что было бы дальше, если бы в зал не зашли мои приятели. Они увидели эту ужасающую и ошеломляющую картину и бросились ко мне. Верёвка ослабла, я схватил глоток воздуха и пропихнул пальцы под верёвку, но гул в ушах всё ещё не рассеивался. Мой приятель подбежал ко мне и схватил того, кто держал верёвку. А когда я через пару минут пришёл в себя, то я в пару прыжков оказался верхом на этом «герое», и он уже умолял меня не убивать его. Он оправдывался, что якобы обознался, и эта верёвка была только для запугивания и вообще приготовлена, для другого человека.

Потом всё становилось куда более серьёзно. Собирались огромными толпами, назначали место встречи ребятам с другого района и дрались район на район, или двор на двор, ещё дрались кланы на кланы, так называемые, бригады. Иногда, когда собиралась очередная крупная потасовка, драки, то насчитывалось от ста и более человек. Бывало, придёшь в школу, и сразу с первого урока уже кто-то ходит и оповещает об очередной вечерней потасовке, о том, что вечером собираемся в сквере, надо приходиться всем в тёмной одежде часам к восьми. Наступал вечер, ребята подтягивались к скверу по пять-шесть человек, и в результате собиралась толпа человек пятьдесят. Потом все шли в другое назначенное место, например, к школе, которая стояла чуть дальше от той, в которой учился я, там тоже собиралась толпа ребят. Мы встречались и ждали ещё пополнения, а ребята всё приходили и приходили отовсюду. Кто-то суетился и раздавал бинты, чтобы делали повязку на руку, чтобы в драке было понятно, кто свой, а кто чужой. Ведь многие из толпы до этого, не видели друг друга, никогда. Всё было как на партизанской войне: партизаны, которые контролировали обстановку, чтобы внезапно не пришли те, с которыми мы собрались драться – как правило, ребята из других районов. Наши ребята сидели в засаде со всех сторон и контролировали, и если кто шёл, они спрашивали пароль. Пароль знали только свои. Всей гурьбой переминались с ноги на ногу, общались, смеялись, рассказывали всякие байки. Старшие, руководили всей операцией, они ходили, проверяли, чтобы у всех были повязки на руках и одёргивали остальных, чтобы те разговаривали тише. Кто-то наламывал с деревьев ветки, кто-то набирал камней в карманы, у кого-то уже были запасены кастеты и дубинки. Холодного и огнестрельного оружия, как правило, не носили. Но кто знает, что у кого было в карманах, ведь народу собиралось по двести человек. И к каждому в карман не залезешь и не узнаешь, что он замышляет, придя в эту толпу, которая была почти, как на демонстрации.

Очень часто всё заканчивалось разгоном милиции. Она всегда появлялась внезапно, и было такое подозрение, что кто-то сообщал ей заранее о драке. Звуки сирен милицейских машин с разных сторон приводила всю толпу в панику и бегство. Все разбежались враспынную. Бывало такое, что и та толпа с другого района знала о месте нашего сбора, и они тогда опережали нас и внезапно нападали врасплох. И вот тогда начиналась страшная кулачная драка, летели камни, начинали взрываться самодельные петарды. А потом стенка на стенку вскипала кулачная битва. Зрелище было не для слабонервных. Но чаще бывало так, что вся толпа направлялась в тот район, с кем была намечена встреча, и по пришествию туда толпа, словно одичалая, срывалась, бежала по дворам и била всех парней, встретившихся на пути, потом натыкались на ребят, которые ждали нас там и тогда тоже врезались стенкой на стенку. Но всегда наша толпа побеждала, разгоняя тех, они убегали, швыряясь камнями. Наш Заводской

район был самым криминальным, и он собирал большое количество молодёжи, поэтому мы всегда и побеждали за счёт количества народа. А может быть, и ещё, кто знает по каким причинам. Может, наше старшее поколение было более авторитетное и умело руководить всем этим процессом. Иногда участники получали серьёзные травмы. Только спустя время, можно с полной уверенностью сказать, как это было всё глупо.

Но всё же, это было и, было, так бессмысленно и дико, что после столкновений между районами, начинались драки дворовые, с теми же самыми ребятами, с кем ещё вчера вместе ходили драться с чужими районами. Но в результате, конечно же, создавались лидеры и группировки, которые собирали в себя целые кланы поколений. Нельзя сказать, что все эти ребята были плохими и беспредельными. Нет, этого не было, среди всех находились более жёсткие и беспредельные, но, как правило, их держали за особое так называемое подразделение. Все же остальные просто попали в это перестроечное смутное время, которым правила всеобщая, беспредельная власть государственной системы. Невозможно обвинять поколение молодых, которые росли и готовились вступать во взрослую жизнь. В ту самую систему, которую нам предложили наши правители и создали ту обстановку, которая называется криминалом. Время восьмидесятых годов заканчивалось перестройкой и развалом страны. Развал страны был запланирован программой чиновников, которые готовились стать собственниками государственного достояния и умышленно загнали страну в тупик. Пустые полки магазинов, невыплата заработной платы, развал заводского производства, развал сельского хозяйства... После всего этого, в стране начали создаваться банды формирования. Начались грабежи и вымогательство, росли противозаконные захваты предприятий всех структур, и за всем этим стояли высокопоставленные лица, которые в дальнейшем захватили всё, что только возможно. И в дальнейшем они стали превращаться в богатые прослойки населения, подминая под себя народ. Подрастающее поколение всё это видело, понимало и начинало действовать по такому же принципу. В стране царил полный хаос. Впрочем, как и сейчас. И ничто не изменилось, кроме того, что перестреляли всех, так называемых криминальных личностей. Но страна не обрела порядок. Просто чиновники расчищали, таким образом, себе дорогу. Убирали ту молодёжь, которая им мешала разваливать страну и воровать. Вслед за убитыми лидерами группировок пришли на смену менты, которые также занялись вымогательством и крышеванием бизнеса. Вслед за криминалом пришли все высокопоставленные структуры чиновников, которые грабили страну и становились собственниками и олигархами.

Вечер, тихо, сижу дома, думаю о словах Чырыги, вдруг слышу на улице шум и крики. Выхожу на лоджию, смотрю, потасовка. Вначале не сразу понял, что трое бьют одного, присмотрелся, да это же Укум (Укум. Рецидивист. Множественные судимости). Трое атакуют его, он один из последних сил отбивается. Я открываю окно, начинаю громко им кричать:

– Эй вы, олени, вы совсем одурели, трое на одного!

Узнаю в этих троих своих знакомых, которых очень хорошо знаю, но Укум мне ближе по крови. Выбегаю на улицу, драки уже нет, трое ребят уходят. Укум лежит на земле, пытается встать, я подхватываю его под руки, поднимаю, идём, он хромает, потом останавливается.

– Спасибо, – говорит он, – ладно, я сам дойду, ты иди, не привлекай внимания, завтра вечером приходи ко мне, надо будет собраться, найти этих уродов. Он уходит, я иду, но не домой, а в противоположную сторону во дворы близстоящих домов, к пятиэтажкам. Подхожу, там за столиком сидят ребята, человек семь: Фран (Зверски убит), Лим (Умер. Передозировка), Кабоб (Умер. Передозировка), Соль (Осужден), Череп (Убит), Моль (Осужден), Болт (Осужден). Все они были ровесниками мне, плюс-минус год разницы. Мы поздоровались, пожав руки.

– Ты что такой понурый, что-то случилось? – спрашивает Фран. Я рассказываю им про драку. Они молчат, потом Лим говорит:

– Да ладно, давай играть дальше.

Они играли в карты. Фран становится задумчивым.

– Нет, я не буду, играйте, без меня. В общем, опять началось, ну теперь жди и к нам гостей.

Он всегда так говорил, когда предстояли очередные потасовки. Кто-то внезапно мог прийти во дворы и начать очередные разборки. Это происходило в то время очень часто.

– Да ладно тебе, мы-то тут причём, – сказал Лим.

– А то, ты не знаешь, как это бывает, – ответил Фран. – Завтра опять гора начнёт ходить и докапываться до всех, срывать злость (горой называли тех парней, которые жили выше трамвайной линии, дома которые уходили вверх к лесу, на гору).

Я начинаю его успокаивать.

– Брось, не паникуй, я прикрою, – говорю ему.

– Ну да, конечно, если только ты скажешь Укуму, чтобы они наши дома обходили стороной, – говорит Кабоб с сарказмом и ехидно смеётся.

– Да зачем им обходить вас стороной, ну соберутся они, пойдём, найдём этих троих, вы-то ни причём тут.

– Ну да, а если не найдёте, то начнётся срыв злости на других, – сказал Болт.

– Всё будет нормально, я обещаю. Во всяком случае, постараюсь сделать так, чтобы всё было нормально. Вы только завтра и послезавтра будьте начеку или вообще из дома не выходите. Потому что завтра мы соберёмся, и, по всей вероятности, будет много шума.

– И что нам теперь, дома сидеть? – говорит Соль с особым недовольством в голосе.

– Да, посидите. Вон у Франа соберётесь, какая вам разница, где в карты играть.

Все расходятся. Фран перешёптывается со всеми по очереди. Это шушуканье всегда вызывало особую подозрительность и недоверие у всех остальных. Остаёмся вдвоём.

– Хочешь выпить? – предлагает Фран.

– Ты же знаешь, я не пью, а курнуть и подавно мне не предлагай никогда!

– Ну ладно, я всегда забываю, что ты спортсмен, – говорит Фран шутливо и расплывается в улыбке. – А у меня классный самогончик есть.

– Уговорил, давай самогончика по рюмашке жажнем, а то я совсем не понимаю, как водку эту палёную можно пить. И уж тем более разведённый водой спирт «Рояль» (в то время так называли спирт «Royal»).

Фран уходит в подъезд, быстро возвращается с бутылкой самогона.

– Где взял?

– У брата отобрал, прикинь, они с пацанами у мужика какого-то отняли, сели за гаражами, хотели распить, ну тут я, на их беду, проявил себя как старший брат.

Он засмеялся и открыл бутылку, пахнуло, как американским виски, а цвет самогона был такой же, как и цвет коньяка. Обычно самогон окрашивали чаем и добавляли всяких пряностей и лимона. Мы сделали по глотку, самогон был крепкий, а закусывать нечем. Фран потянулся к моей голове и сделал глубокий вдох, вдохнув запах волос, потом тоже самое проделал я. Мы занюхали волосы друг друга, обычно так делали, когда пили без закуски.

– Ну как? – спросил Фран

– Нормально! Крепкий! Я сел поудобнее, вытянул ноги и облокотился руками на лавку.

Фран начал говорить, что всё ему надоело. Он устал от всех дворовых разборок, которые происходили очень часто, надоели выкидоны его девушки, надоело сидеть без денег и работы. Я его слушал и молчал, смотрел на него и видел его таким потеряннным, каким он себя боялся показать при всех остальных. Вдруг он посмотрел на меня и перестал говорить.

– Ой, ты что это?

– Что? – спросил я у него.

– Я боюсь тебя, ты смотришь, как будто сейчас готовишься дать мне в морду. У тебя такой взгляд страшный. Я никогда не видел тебя пьяным, тебя не переключивает после водки? – с настороженностью спросил он меня.

– Не переключивает, не бойся, просто взгляд у меня такой. Я не думал драться с тобой.

– Да кто тебя знает, – сказал Фран, – вы, боксёры, сдвинутые, а то, может, ты как Чырыга, когда выпьет, бросается на всех с кулаками, у него сильно переключивает в мозгах, видать, ему в боксе основательно голову сотрясли. – Ладно, перестань, тебе уже мерещиться стало! Бывает так, нахлобучивает, когда есть причина, тогда я и становлюсь агрессивным, а когда в хорошей компании или с девушкой, то я добрый!

Фран облегчённо вздохнул и захихикал.

– Что ты думаешь по поводу завтрашнего? – спросил он.

– А что тут думать, соберемся, пошумим да разойдёмся, вот и всё.

– Хотел с тобой посоветоваться, – сказал Фран.

– Давай советуйся! – я насторожился и заострил своё внимание.

– Да тут такое дело, на работу зовут пацаны, меня и Аноя (Аной. Зверски убит).

– А что делать? Куда? В чём будет заключаться ваша работа?

– В бригаду! – Фран вытянулся, и мне показалось, что он на мгновение возгордился. –

Смотри, какая сейчас обстановка в стране сложилась, каждая мразь, сидящая в мягком кресле, пытается набить себе карманы, развели торговлю, пустили сюда хачиков, раньше за фарцовку был срок, а теперь хачьё торгует, а евреи правят. А мы на что тут, так и будем смотреть, как на нашей земле беспредел устраивают? Везде коррупция, в институтах деканы хапают, в местной администрации хапают, директора рынков тоже, развелось лавочников-дармоедов, казино пооткрывали, всех их надо обкладывать и следить за тем, чтобы они не творили тут бесчинство!

– Подумай, прежде чем дать ответ, я тебе не советую, сейчас время смутное, подставят тебя, сядешь надолго за решетку или вообще стрельнут.

– Вот и я об этом же думаю, – ответил Фран. – Страшно, но как-то надо жить, на работу не устроишься, везде всё разваливается, да и платят мало. А девчонка моя уже достала меня, то одно, то второе, то третье, всё купи, и всё мало. Денег много надо, да и машину хочу!

– Ты не торопись, говорю тебе ещё раз, подумай! Всё взвесь, и лучше откажись, а то влезешь, обратной дороги не будет.

Вдруг Фран встрепенулся:

– Вон ко мне Конга идёт. – Сказал он тревожным голосом.

Я обернулся и увидел подошедшего к нам здорового парня по кличке Конга (Конга. Осужден на пожизненный срок). Он подошел, поздоровался, отозвал Франа в сторону, они стали о чём-то говорить. Время было уже к полночи, я решил, что надо идти домой.

– Ну ладно, всем спокойной ночи, пока!

Я пошёл домой и думал, что мы хорошо посидели, поговорили. На небе были звёзды, улица была пустая, и только луна слегка озаряла крыши домов. В кустах пели сверчки, я любил такие вечера, тёплые и тихие, в такие моменты становилось спокойно и хотелось думать о чём-то хорошем, ведь вся жизнь была ещё впереди. На следующий день я ходил на тренировку, Чырыги в зале не было, он вообще стал появляться редко на тренировки. А однажды он приехал на новенькой машине «жигули» восьмой модели. Это был триумф, эти модели только появились и мало ещё кто ездил на них. Вечером я, как и договорился с Укумом, пошёл после тренировки к нему домой. Возле его дома стояло несколько машин, и толпились ребята. В общей сложности народу было много, почти столько же, когда его встречали после первой отсидки. Я помню этот день. Я тогда пришёл к нему, конечно, машин было в тот день гораздо больше, и ребят тоже было много, и даже пришли те, которых я не знал и видел их в первый раз. Уже позже, познакомившись, я время от времени пересекался с ними или у него дома, или на стадионе, когда катались на коньках или играли в футбол. Когда я зашёл, они уже были настро-

ены ехать и искать тех троих хлопцев, которые дрались с Укумом. Укум был очень сильный и бесстрашный, он всегда врвался в толпу, когда шла драка, и сшибал с ног одним ударом. Даже ребята порой говорили в шутку, что попасть под удар Укума всё равно что под электричку. Укум сидел на деревянном ящике и возле него стояли ребята: Нота (Убит киллером), Карась (Пропал без вести. Предположение, что убит), Диргач (Осужден), Анам (Повесился), Порох (Убит), Намид (Убит). Они были старше меня года на два, кто-то был одноклассником со мной. Когда я подошёл к ним, они начали расспрашивать, как всё происходило. Я рассказал эту неприятную сцену. Добавив, что если бы у них не было палок в руках, то не справиться им с Укумом.

– Молодец, что пришёл, а то одни коровы тупые, – усмехнулся Нота.

– Да заткнись ты, обезьяна! – отмахнулся Укум.

– Сам ты обезьяна!

Они вступили в словесную перепалку, это было их обыденной нормой дружеского поднятия настроения. Ребята стояли, курили и посмеивались над шутливыми приколами и перепалками Укума и Ноты.

– Ну ладно, хорош вам, – вмешался Карась, – надо ехать, что тут штаны зря просиживать. Мы вышли на улицу, сели в машины, вазовские шестёрки и семёрки, не новые, но в хорошем состоянии. Те ребята, которые стояли на улице, тоже сели в машины, и мы поехали просматривать дворы. Мы заезжали в каждый двор, где собирались или могли собираться парни. На время останавливались, двигатели не глушили и смотрели по сторонам, выискивая тех, кто нам был нужен. Иногда из машины выходил Карась с Укумом, подходили к ребятам, которые стояли возле подъездов, спрашивали их, не знают ли они, где живут те, которых мы искали. Если Карасю и Укуму не нравилось, как им отвечают, то они делали по несколько ударов в грудь им, и толпа тут же разбегалась. Они садились обратно в машину, и мы ехали дальше и так объезжали каждый двор. Где-то в каких-то дворах были свои знакомые ребята, с которыми выкуривали по сигарете. В одном из дворов нам намекнули, где мы сможем найти одного из тех, кто был в этой тройке. Мы поехали в то место, где предположительно они могли жить. Поставили машины за деревьями, чтобы было не так видно и не могло отпугнуть тех, которых мы пытались найти. Стали ждать, и в этот день нам почти что повезло. Наконец мы увидели, как тот тип вышагивал под ручку со своей девушкой. И как бы ни кипел в сердце Укума огонь мести, мы не стали трогать этого красавчика. В то время был суровый закон справедливости, и в него входило одно правило: когда парень со своей девушкой, то его бить нельзя. Он спокойно прошёл, заметив неладное. Они скрылись в подъезде, и так он и не вышел. И это повторялось почти каждый день на протяжении трёх дней, пока Карасю всё это не надоело, и он подошёл к нему и сказал:

– Ты проводи свою принцессу и выходи, если ты мужик, с тобой хотят поговорить.

Он так и сделал. Проводил свою девушку домой и вышел, хотя и не сразу, а в руках держал палку. Палку, конечно, у него сразу отобрали и дали ему, как следует за это. Потом взяли его и поехали к его друзьям и проучили их. Наконец, успокоившись результатом, ребята решили пойти выпить. Они поставили машины, и мы пошли в кафе. В кафе было шумно, играла музыка, мы сели за столики, взяли выпить и закусить. Сидели, смеялись и шутили друг над другом, временами вспоминая эпизоды наказания этих трёх червей, которые оправдывались, когда их прижал к стене Укум. Было весело и беззаботно, потом взяли ещё бутылку и пошли гулять. Проходя через дворы, останавливались, подходили к знакомым ребятам, наливали им выпить и после, обнимаясь и веселясь, шли все вместе дальше по улицам и дворам. Со стороны была такая картина, как «Бурлаки на Волге». Ребята шли огромной вереницей на полупьяных ногах и пели песни. Дойдя до остановки трамвая, решили проехать несколько остановок. Тут подошёл трамвай, все ринулись в трамвай, как морской десант на корабль. Трамвай из двух вагонов тут же стал полон. Я встал на заднюю площадку, рядом со мной впихнулись Анам, Укум, Карась, Нота, Диргач, остальные расселись в среднюю и переднюю площадку, кто-

то залез в первый вагон. Рядом с нами стояли уже ехавшие пассажиры. Вдруг я услышал резкий и наглый вопрос стоящего впереди меня парня, прилично одетого, старше нас лет на шесть.

– Ты что так пялишься? – он смотрел на Анама. Анам смотрел на него. У Анама были добрые и немного пьяные глаза. Анам всегда говорил спокойным голосом с улыбкой. Вот и в этот раз он так же сказал:

– А что, нельзя?

– Нет, нельзя!

– А как можно?

– Ты не понял, тупица?! Я тебе сказал, не смотри на меня так! – наглым голосом повторял этот нахальный парень.

Тут вмешался в перепалку ещё такой же пассажир трамвая, как потом выяснилось, они ехали вместе и были друзьями.

– Ты что, не понял, тебе говорят, пасть свою заткни и глаза не пяль.

Анам поднялся со ступеньки выше, он стоял, прижавшись к двери, и ему было неудобно на узкой подножке.

– Куда ты лезешь? – сказал он резко и, ухватившись за одежду Анама, толкнул его обратно.

Весь трамвай затих, и все ждали, что будет дальше.

– Ну что ты смотришь на эту тупую рожу, – сказал этот наглый пассажир своему другу. – Дай ты ему в репу!

Это был как сигнал к бою. Карась развернулся и нанёс удар этому наглецу. У Анама поменялось выражение его лица, его добрая мимика стала тигриной, он тоже нанёс пару ударов. Весь трамвай, словно корабль в море, заштормило, эти наглые два дружка начали махать кулаками. Нота обсыпал их молниеносными ударами, эти хамоватые псы пятились в мою сторону, я схватил их за воротники и ударил головами друг об друга. Нота наносил им удары в живот, Карась бил сбоку, Анаму уже совсем не удавалось к ним пробраться, потому что их оцепили в кольцо и каждый старался ударить. Женщины начали кричать. Двери открылись, когда трамвай подошёл к своей остановке. В этот момент Укум и Карась нанесли одному из них одновременно удары в голову, этот наглец, перелетая через ступеньки трамвая, вывалился на улицу, второй ринулся бежать в среднюю дверь, там ребята вытащили его за шиворот на улицу. Все ребята выскочили из трамвая, я оглянулся, в стороне уже колошматили того, кто пытался убежать, а второй на карачках попытался обратно залезть в трамвай. Его вытащили обратно за ноги со ступенек, на которые он старался забраться ползком, и продолжали бить. Ярость у Анама была велика, вдруг этот наглец, которого били, набрал силы и вскочил, я ему нанёс прямой удар в голову, он опять упал. Водитель трамвая выбежал на улицу и стал кричать:

– Разойдись, милиция, милиция!

Вдруг откуда-то и вправду показалась милицейская машина, они включили сирену. Все ребята дали драпу, только пятки сверкали, Анам и я никак не могли успокоиться. Нота кричал:

– Уходим, уходим, менты!

Анам стартанул что есть мочи, я вслед за ним и Нотой, рядом бежали Укум, Карась и Дергач. Я начал значительно отставать от всех, нога болела, видно, когда выпрыгивал из трамвая, неудачно её подвернул. Нота оглянулся:

– Давай, давай, не отставай.

Я старался бежать что есть сил, но боль в ноге не давала. Я остановился и начал ковылять. Нота оглянулся и тоже остановился, взял меня под руку, и мы пошли вслед за всеми. Те, кто бежали впереди, тоже остановились и спокойно пошли. Укум хромал так же, как и я. Мы сравнялись с ним, я подхватил его тоже под руки, и мы пошли втроём вслед за всеми. Зашли во двор, там у подъезда уже стояли те, кто бежал впереди нас. Увидев нас, они рассмеялись, картина была действительно смешная: трое шли в одну ногу, хромая, поддерживая друг друга.

Мы расцепились, подошли к ним и начали обсуждать всё то, что произошло. Потом зашли в подъезд, Карась позвонил в квартиру и оттуда вышел Дима по кличке Японец. Мы ему начали рассказывать про то, что сейчас было. Каждый рассказывал, приукрасив всё в сотни раз. Японец ухмылялся, а потом зашёл домой и вышел обратно уже с бутылкой водки. Все засмеялись и радостно стали делать по глотку прямо из горлышка бутылки. Потом Нота сказал:

– Ну, пора расходиться по домам.

Время было уже позднее, и от нашего шума и хохота жильцы не могли уснуть и выходили в подъезд с просьбой, чтобы мы вели себя тихо. Мы начали расходиться по домам. Я и Дергач пошли в сторону наших домов, потом он свернул к своему дому, а я к своему. Я подошёл к подъезду, на лавочках сидели ребята, а у подъезда стояла восьмёрка Чырыги, та самая новая машина, которую он приобрёл на днях. Из окна Чырыги доносились весёлые разговоры. Я поднялся на его этаж, позвонил. Дверь открыл незнакомый парень и пригласил меня зайти. Я зашёл в квартиру, в квартире было много народу, на кухне, в комнате, в коридоре – везде толпились люди. Чырыга увидел меня. Мы поздоровались.

– Ты куда пропал? – спросил он меня.

– Да разве это я пропал? Это ты, как взял машину, то совсем тебя не видеть стало, на тренировку не ходишь, дома не появляешься.

– Да, понимаешь, дела, дружище, дела, полно дел навалилось! – ответил Чырыга. – Ты заходи ко мне, как машину увидишь во дворе, так я дома.

– Ладно, хорошо! Давай в следующий раз поболтаем, а то я устал, пойду домой. Да и гостей у тебя хватает без меня!

– Ну хорошо, не пропадай, увидимся!

Эта была его коронная фраза. Я попрощался и пошёл домой. Сам не понимаю, зачем я заходил без всякой причины и надобности. Наверно, просто так, в то время всё было проще, и двери во многих домах были открыты для гостей днём и ночью.

На следующий день вечером я отправился на тренировку. Вдруг меня сзади кто-то окликнул. Я повернулся и увидел Серёгу по кличке Коса (Пропал без вести. Предположительно убит). Коса был бывший боксёр, старше меня лет на двадцать, и его знали в округе местные ребята. У него уже была семья, и он мало вмешивался в местные потасовки. Кличку Коса дали ему, видимо, потому, что у него была своеобразная походка. Он был накаченный, мышцы спины затекли уже возрастным жиром, и он ходил, широко расставив руки, подчёркивая значимость своих широчайших мышц. Раскачиваясь из стороны в сторону широкими шагами, он как бы замахивался и скашивал руками пространство так, что напоминало это человека с косой, который косит сено. Со стороны его походка смотрелась очень смешно, и местные ребята часто подшучивали над ним за глаза. Многие смеялись над его неуклюжей походкой, но он не догадывался об этом и считал себя крутым парнем. Но когда он подходил, конечно же, никто виду не подавал, что эта походка всех веселит. Коса был по возрасту старше, и хотел всегда превзойти всех, с кем бы он ни общался. Сам же он был человек недалёкий, к тому же ещё и завистливый и очень жадный, и эта его характерная черта отражалась на его склочном отношении к другим людям. Он часто начинал возвышаться гордо и без причин над человеком, с которым он говорил. А уж если речь и вовсе заходила в пользу его интереса, то тут уж он мог грубить, напирать на человека и даже ринуться в драку. У меня с ним были ровные отношения, и мы иногда болтали ни о чём, просто так. Он давал какие-то свои советы или подтрунивал дурной шуткой.

Я остановился, Коса подошёл, мы поздоровались. И он с вальяжностью поставил ногу на бордюр, опираясь на колено рукой. Встав в эту позу, он настроился на очередной пустой разговор. Я сразу это пресёк, сказав, что я иду на тренировку. Ему это не очень понравилось, видно, ему хотелось с кем-то посплетничать, но на его пути встретился только я.

– А куда ты ходишь? – спросил он.

– В зал к Совку, – ответил я ему. Совком мы называли тренера из-за его фамилии Совокунин. Я стал ему рассказывать, что Чырыга мне дал ключи от зала, и я хожу туда вместе с ним. Но вот только он что-то в последнее время стал ходить всё реже.

– Ну потому, что он ушёл в дела и бизнес. Какие ему тренировки. А ты ходишь в зал, молодец! Только там нет тренажеров, на которых можно качаться. А у нас есть.

– Где у вас? – спросил я его.

– У нас, в нашем зале.

Он начал рассказывать, что он тоже ходит в зал, который они сами сделали. Он в то время ещё работал в трамвайном депо. И там сотрудники выпросили у начальства комнату под спортзал и оборудовали тренажёрами.

– Приходи, посмотришь, как у нас там классно, – пригласил Коса. – Если тебе понравится, можешь приходить заниматься, а то мне там не с кем в спарринге поработать. Никто не соглашается со мной встать в спарринг, все боятся. И если понравится тебе наш зал, надо будет сделать вложение.

– Какое вложение?

– Ты говорил, у тебя есть дома боксёрский мешок, вот его можно привезти и повесить в зале.

– Ладно, я подумаю, – сказал я и пошёл на тренировку. Мне его предложение показалось смутным, зачем мне ходить в зал, в который ещё я должен и грушу свою притащить, и про спарринг тоже было непонятно. Дело в том, что в нём было килограммов сто, а то и больше, а во мне от силы шестьдесят. Наши весовые категории явно не совпадали. Но в его словах крылся подвох, и дружеским приглашением явно тут и не пахло. Спустя какое-то время я всё же пришёл в тот зал, в который звал меня Коса. Он в очередной раз встретился мне во дворе и уговорил прийти позаниматься. Ему хотелось показать и похвастаться этим спортивным залом. Я стал иногда приходить туда. Там стояли уже современные тренажеры, и висела пара боксёрских мешков. Как-то раз Коса действительно уговорил меня с ним побоксировать. Я понимал, что силы неравные, но считал, что отказываться как-то не по-мужски. Я, конечно, говорил ему, что он намного тяжелей меня в весе, и разряд его по боксу был кандидата мастера спорта. Но он убеждал меня, что ему хочется подвигаться в лёгком бою, и он уже подзабыл, как боксируют, и хвалил меня за свежие навыки бокса. Я согласился. Ребята, которые там занимались, тихонько отговаривали меня и приводили примеры его непорядочности. Деваться некуда, я надел перчатки, размялся, он тоже надел перчатки. Мы начали боксировать, вначале мне показалось, что он и вправду не мог боксировать, двигался он тяжело, пропускал мои удары. Но он, видимо, изучал мою тактику, ведь ему это было просто, потому, что сила моих ударов была совершенно не совместима с силой его ударов. Так всё и произошло, в тот момент, как я только расслабился и подошёл в ближний бой, он стремительно нанёс мне два тяжелейших удара в голову. В глазах всё потемнело, в ушах появился шум, я совсем потерял ориентир, но всё же устоял на ногах. Когда темнота в глазах перешла в лёгкую рябь, и я снова увидел его, стоявшего напротив, в стойке с сияющей удовлетворённой улыбкой, выжидавшего момент добить меня. Тут вмешался парень, занимающийся с нами в зале. Он подошёл, поняв, что сейчас может случиться что-то непоправимое, и резким голосом сказал:

– Ну всё, достаточно, ты покалечишь парня.

Он подошёл ко мне, похлопал меня по плечу и сказал:

– Ты молодец. Снимай перчатки и иди умываться.

В раздевалке он мне сказал, чтобы я больше не вставал с Косой в спарринг. Объяснил, что он всех подбивает встать с ним боксировать, прикидываясь невинной овцой, а потом делает сокрушительные удары и радуется своей тёмной победе. Все, которые занимались в зале, были постарше меня и поопытнее, и поэтому не соглашались вставать с ним в спарринг. Он боксирует нечестно и в основном пытается покалечить партнёра, ищет всегда слабее себя по весу и

опыту и гордится тем, что нокаутировал. Я догадывался, что Коса нечестный человек, в нём много подлости. Но почему-то мне хотелось верить, что люди, которые занимались спортом, обладают человеческим благородством. По крайней мере, меня так учил мой отец, которым сам был спортсменом и примером для меня. Потом спустя время Коса начал мне говорить, что хочет уволиться из трамвайно-троллейбусного парка и заняться бизнесом. Чем он хотел заниматься, я даже не представлял, ведь ума у него совсем не было, да и капитала тоже. Но всё прояснилось и стало понятно уже позже, когда он встретился мне в очередной раз во дворе и начал предлагать торговать вином, работая на него. Он говорил, что на этом можно заработать большие деньги и что он будет крышей, если возникнут какие-то проблемы. В то время многие начали приторговывать спиртным, вином и палёной водкой, сделанной из спирта «Рояль». Я посчитал его предложение неинтересным, ведь он был слишком глуп, впрочем, как и многие такие, как он, которые зачастую не имели даже среднего образования, но были нахальными и жадными на халявные деньги. Я отказался, ссылаясь, что у меня есть работа, и она меня вполне устраивала. В стране тогда всё менялось, и предприятия разваливались. Я тогда работал на заводе, который ещё существовал и приносил прибыль государству. Зарплаты платили в срок и люди были довольны. Это после уже все заводы разворуют и переделают документально, захватив заводы в собственность, это будут на тот момент директора заводов, назначенные старым правительством страны. Они превратят их в руины и торговые базы. Так же случилось и с заводом, на котором работал я. Но это случится чуть позже. Так вот Коса начал в очередной раз надменно убеждать меня, что уже через полгода он купит себе машину. Ведь машина по тем временам была на самом деле роскошью.

– Как ты собираешься жить, – говорил он мне, смотри, всё в стране разваливается, надо намывать бабки и становиться капиталистом, – он говорил это с особым восторгом. – Я наберу бригаду бойцов, у меня будут только достойные парни, – уговаривал он меня. – Если ты хочешь быть у меня в бригаде, бросай свой завод и пошли ко мне, будешь работать со мной, и у тебя будут деньги, купишь себе машину. Он уламывал меня как мог. Мне было немного забавно его слушать.

– Ты же боксёр, что тебе на заводе тереться со старыми мужиками, давай сколотим бригаду и заявим о себе, надо всех уничтожить вокруг, всех!

Он говорил откровенно, но на самом деле был труслив, но дерзок. Я не знал, как отвязаться от его предложения, в голове все мысли запутались, я понимал, что он так и будет время от времени мне надоедать и зудеть своими идеями. Тут я вспомнил почему-то про Дефа. Наверно, потому, что накануне я видел его. Настроение у него было не лучшее, он тоже говорил про то, что не хватает денег, и жизнь такая сложная штука. И я намекнул Косе про Дефа, возьми его себе в бригаду, он хороший парень и в данный момент у него тяжёлое финансовое положение. Коса задумался, ничего не сказал, но, почесав свой лысый затылок, спросил, где трётся Деф. Я ответил ему, что он каждый вечер прохладается у пожарной части. На следующий день Коса пришёл к пожарке, и у них с Дефом был конфиденциальный разговор. Вскоре я узнал, что Деф начал работать с Косой, и они позвали ещё троих ребят к себе в команду, получилась бригада, как и хотел Коса. Они поставили точки с продажей вина и дело у них пошло. Вскоре Деф купил себе машину, они ездили все вместе на ней, и радость Дефа была запредельной. Потом остальные ребята тоже купили себе машины. Их дела становились всё лучше и лучше.

Был случай – мы с приятелями попали в жуткую историю. Стоим как-то раз у пожарной части. Прибегает один чужак, по кличке Нос, рубашка рваная, глаз подбитый. (Нос. Умер, передозировка). Спрашиваем его, что случилось. Говорит, избил. Кто, где? Называет место и пару кличек из тех, кто бил. Говорит, набил им стрелку на завтра на вечернее время 18.00 и начал упрашивать нас, чтобы мы ему помогли, пришли с ним вместе на стрелку.

– Ладно, так и быть, – согласились мы. – Приводи своих парней завтра к спортивному клубу в 17.30, и мы придём туда, а оттуда пойдём на стрелку.

Вскоре на машине подъехал Деф, мы решили не говорить ему про такую мелочь. Стояли, как всегда травили анекдоты и байки про девчонок, потом пошли играть в карты. Разошлись поздно за полночь. На следующий день ко мне пришёл Марёк. Предложил пойти позаниматься перед стрелкой.

– Все силы потеряем на тренировке, – сказал я. – Лучше пойти в парк просто побегать немного и размяться.

Он согласился. Пошли в парк, погода была шикарная. Пробежались пару кругов, размялись немного на турнике. К нам должен был подойти ещё Зуб, но он почему-то задерживался. Но вскоре мы разглядели вдаль силуэт, напоминающий своей походкой нам Зуба. Да, мы не ошиблись, это и вправду был он. Зуб подошёл к нам, в руках он держал спортивную сумку.

– Что это у тебя? – спросил его Марёк.

– Как что, снаряжение, – сказал Зуб. И начал выкладывать из сумки всякую ерунду: нончаки, палки, кастеты. Мы засмеялись.

– Выбрось всю эту требуху в сад, – сказал ему Марёк. Зуб положил всё обратно и, довольный, спрятал сумку в кустах.

– А что, этот чудик кого-то ещё приведёт с собой к клубу? – спросил я.

– Должен, он вчера грозился, что с ним придёт целая гвардия народу, – ответил Марёк.

– Зачем нам гвардия, мы что там, войну собрались устраивать? Разговор надо вести по понятиям. Разберемся, кто виноват, тот и ответит.

– Да не знаю, дойдёт ли до понятий и разговора, – сказал Зуб. – Чудится мне, всё закончится кровью. Слух об них не очень хороший идёт. Вроде они перегибают палку и занимаются голым беспределом.

– Посмотрим всё-таки, надо было нам предупредить Дефа. Но теперь уже что делать-то, пойдём, а там видно будет, – сказал Марёк.

Время было уже много, и мы торопливо пошли к клубу. Подойдя к клубу, мы там никого не увидели. Нам это показалось странным.

– Может, они подошли, нас нет, они подумали, что мы отправились к месту стрелки и пошли туда, – предположил Зуб.

– Всё может быть, мы же опоздали, – согласился Марёк.

Я предложил побежать к месту стрелки. Мы побежали. Это была обычная улица, выходящая на пустырь, где стояли старые деревянные дома. Мы подбежали, примерно за три дома до пустыря остановились, отдышались. И стали из-за угла смотреть в сторону этого пустыря. Там было тихо и безлюдно. Это у нас вызвало ещё большее удивление. Марёк предложил пройти вперёд к пустырю. Мы стали аккуратно, неторопливо пробираться через эти дома. Через несколько минут мы стояли уже на пустыре. Никого там не было. Время перевалило уже далеко за шесть часов.

– Где же этот чувырло Нос со своей кодлой? – спросил Зуб.

– Ну, ребята, мы попали! – вдруг сказал Марёк.

– Точно попали! – подтвердил Зуб.

Из калитки последнего дома высунулась бритая голова. Парень уставился на нас и, засунув два пальца в рот, громко свистнул.

– Всё, братцы, мы точно попали, – ещё раз повторил Марёк. Из калитки этого дома, словно чёрная туча, вылетела стая озверевших парней, человек тридцать, а может, больше. Вид их был ужасен, они готовы были растерзать нас, как бешеные псы. В руках они держали палки, руки забинтованы, чтобы не разбить кулаки при драке. Они окружили нас в кольцо.

– Это и всё, вас только трое? А где остальные, где ваш чувырла?!

– А мы откуда знаем, – сказал Марёк. Голос Марька дрогнул.

– Зачем вы пришли, вы что, за него хотите впрячься?!

Среди толпы мы увидели знакомые лица парней, которых знали по нашей школе, с кем-то где-то ещё ранее нам приходилось видеться. Мы видели, что они жаждали крови. На их лицах был звериный оскал, они приготовились к драке, и им было всё равно, кого бить.

– Ну что, может, поговорим? – сказал Марёк.

– О чём поговорим? Ты сюда зачем пришёл, говорить? – они все как по команде засмеялись, их смех был как лошадиное ржание.

– Да, говорить. – Марёк повторил ещё раз это слово, с какой-то особой надеждой в голосе, что всё же нам удастся избежать драки.

– Что с ними говорить! – крикнул кто-то из толпы. И их кольцо резко сдвинулось, как удавка. И тут посыпались удары со всех сторон. Мы успели повернуться друг к другу спинами и начали отбиваться. Их было так много, что они лезли друг через друга в желании ударить нас. Мы стояли спина к спине, как скала, защищая друг друга сзади. Но так простоять долго было невозможно. Удары сыпались со всех сторон, я уже не видел рук, откуда летел очередной кулак. Потом пошли в ход палки. Я только успевал кричать – голова, кирпич! Это означало, что нужно пригнуться, потому что в этот момент в нас летел кирпич. Марёк кричал, что сбоку палка, я успевал отскакивать в сторону. Но так долго держаться было невыносимо трудно, и мы разбежались в стороны. За каждым из нас пустилась кучка этих зверей. Я вспомнил, как мне когда-то говорил отец, что и у одного против кучки есть преимущества. Они все хотят ударить тебя одного, а когда их много, то это неудобно. Они натыкаются друг на друга и им труднее достать тебя, чем тебе их. Ты можешь выбирать любого, кто ближе к тебе, и бить. Так я и поступил. Я начал бегать короткими перебежками от одного к другому, они пытались гоняться за мной. А я бил первого налетевшего на меня и отбегал в сторону, они разбежались и гонялись за мной, как за футбольным мячом. Каждому хотелось попасть, а мне было очень удобно толкнуть одного и тут же подбежать к другому и нанести удар, другого бросить через себя, и снова пнуть кого-то об другого. Их это злило, но они не могли ничего сделать, и это приводило их в глубокое замешательство. Тут они опять налетали на нас с палками. Мне казалось, что это длилось вечность. Я уже ничего не видел, глаза заплыли от гематом. Рубашку всю изорвали, руки были все избиты в кровь. Марёк тоже держался из последних сил. Мы несколько раз падали, но быстро нам удавалось вставать, так быстро, что им не удавалось забить нас, лежащих, ногами. В стороне я увидел, что Зуб резко вырвался из толпы и быстро стал удаляться. Тут Марёк вдруг резко прыгнул на одного из их предводителей, и они вдвоём упали. Марёк поднял какой-то ржавый гвоздь с земли, приложил к горлу этого парня и закричал:

– Ну всё, довольно, это беспредел, если вы не остановитесь, я прокалю ему горло.

Он держал гвоздь прямо у горла этого парня, гвоздь давил так туго, что кожа провалилась и обхватила гвоздь со всех сторон. И мне показалось, что ещё одно мгновение и кровь брызнет из его шеи, как из водопроводного крана.

– Всё, всё, достаточно, – закричал один из них. – Бросьте все палки, угомонитесь.

Он начал всех останавливать, вырывать палки из рук и бросать их в сторону.

– С них и так хватит, – кричал он и успокаивал разъярённых парней. На нас было страшно смотреть, картина была ужасающая. У Марька и у меня не осталось живого места на теле. Всё тело было синее от синяков и ссадин, лицо всё в синяках. Марёк отпустил того парня, которого он держал, гвоздь выбросил в сторону.

– Ладно, вы на нас не держите зла, вы сами понимаете, это же стрелка, – начал оправдываться рыжеволосый парень с сигаретой во рту. – Вы же шли сюда, наверно, догадывались, что мы не чаем вас будем угощать.

– Ну не чаем, а водкой угостим, пойдёмте, пацаны, выпьем, – сказал парень, который был старше других и был у них из главарей.

– Вы настоящие мужики, а тот, ваш дружок, который убежал, сыкун! Но вы на него не держите зла. Я бы тоже на вашем месте так же сделал, как он, зачем вы вообще впряглись за этого чувырлу. Он же сам виноват, нагусарил, вас ещё подставил и не пришёл, – сказал всё тот же рыжий парень и громко во всё горло засмеялся, заржал, как конь на пастбище.

Мы зашли во двор, они достали бутылку водки, налили в кружки и дали нам. Мы с Марьком сделали по глотку и отдали. Все ребята начали пить из этой кружки, делая по маленькому глотку, как на фронте.

– Вы настоящие мужики! – повторил ещё раз один из их старших. Он начал рассказывать нам эту историю, как чувырло нагусарил им. Да, история была скверная. Мы поняли, что Нос был неправ. Мы уже жалели, что пошли заступаться и сами оказались в нелепой ситуации. Мы чувствовали, что выглядели так глупо в глазах парней, с которыми уже мы стояли и смеялись, обсуждая эту драку. Обратно шли мы с Марьком, как фронтовики с поля боя, держали друг друга и хромали, еле передвигая ногами. Когда мы подошли к пожарной части, где мы всегда собирались, там стоял Деф. Его лицо изменилось, когда он увидел нас. К нам ринулись навстречу другие ребята, которые стояли с Дефом. Они взяли нас под руки, помогли дойти и присесть на лавочку. Тело ломило от боли. Мы сели и начали рассказывать. Деф злился оттого, что мы его не предупредили. Он ругал нас за то, что мы пошли туда.

Вскоре подошёл Сушёный. Увидев нас, он сжал брови, отвёл Дефа в сторону и о чём-то с ним стал говорить. О чём они говорили, я не знаю. После разговора с Сушёным Деф подошёл к нам и спросил, где была стрелка и где живёт этот чувырлу, из-за которого мы попали под бой кулаков. Марёк, сказал ему все координаты. Деф подошёл к Сушёному, передал эту информацию, они сели в машину и уехали. Вскоре, уже часа через полтора, они вернулись обратно. Весь багажник машины Дефа, был забит ящиками с водкой. Деф подошёл к нам и протянул две бутылки водки и две купюры по сто долларов. Это были большие деньги по тому времени. Сушёный сказал Дефу, чтобы он отвёз нас по домам. Мы сели в машину к Дефу, и он развёз нас. Потом спустя время Деф рассказал нам, что они с Сушёным поехали и взяли водку с тех ребят, с которыми была стрелка, а деньги взяли с чувырлы, который нас так подставил. Сумма денег была хорошая, такая, что Сушёный взял большую часть, а остальное дал Дефу и нам. В тот день нам повезло, говорил нам Деф, что подошёл вовремя Сушёный и увидел то, что сделали с нами, потому что мы сплошь были покрыты ссадинами, синяками, порезами и потёками крови.

Сушёный был легендарной личностью. Чуть позже я расскажу о нём больше. Я не знаю, кем он был, но про него ходили легенды, как про Абея. Мы его знали под фамилией Сущенков, по прозвищу Сушёный. Он совсем не был похож на парня из наших дворов, скорее, на агента секретной разведки. Лет пятидесяти, высокий, стройный, с красивой спортивной фигурой, мускулистый. Светлые волосы с проседью, всегда чистый, опрятный. Почти всегда он был в строгом костюме-тройке, в красивой обуви, я очень редко его видел в спортивном костюме. В то время, когда все носили спортивные костюмы, от малолеток до стариков, и это было модно, Сушёный выглядел всегда, как представитель посольства, вот только галстука у него не было, я его никогда не видел в галстуках. Рубашки у него под пиджаком всегда были чёрные. Он носил очень дорогие и красивые часы. Иногда я видел его и в спортивных костюмах самой высшей и модной марки Адидас, которых достать в то время было очень сложно, и такие костюмы приравнивались к роскоши мотоцикла. В разговоре с окружающими он был вежлив, тактичен. Говорили, что у него несколько высших образований, и он знает три языка, вот какие именно, я не мог точно знать, а другие об этом тоже не говорили. Я никогда не видел, чтобы он курил, да и вообще он не любил курящих, пьющих людей, а к наркоманам вообще относился очень жестко. Всегда он появлялся внезапно, как из-под земли, или его кто-то привозил, точно так же неожиданно и незаметно он уходил, не попрощавшись. Когда он подходил, все ребята словно менялись. Разговоры сразу затихали, и наступала длинная пауза до тех пор, пока он не начинал

разговор. Он подходил ненадолго, решал какие-то вопросы и незаметно уходил. Решать он мог вопросы любого уровня. Его многозначительный авторитет был всем известен, в любых кругах его знали и боялись. Со многими он имел какие-то деловые отношения. Все ребята во дворах знали его, зачастую не лично, а лишь по слухам. Чиновники боялись и не хотели связываться с ним, о его существовании было известно во всех кругах и во всех эшелонах власти. Никто не любил распространяться в разговоре про него, и эту тему все обходили стороной. Появлялся он очень редко, и где он жил, мало кто даже мог предположить, а кто и знал, совсем не говорил на эту тему. Мне как-то повезло побывать у него дома, но об этом чуть позже. Когда он приходил, это были, видимо, те дни, когда у него с Дефом была договорённость, и Деф всегда его ждал. Это было видно по поведению Дефа, он всегда нервничал и был неразговорчив. Сушёный подходил к нам, здоровался, и они отходили в сторону, не так долго о чём-то говорили, и Деф его провожал до угла и возвращался. Сушёный садился в очередной новый автомобиль с водителем, и они уезжали.

В спортзал к А.Н. по прозвищу Совок я стал ходить всё реже и реже. Чырыгу я там тоже стал редко видеть. А потом Чырыга и вовсе пропал, после инцидента с операми. Эта была слежка. За его машиной, давно уже начали следить органы внутренних дел. Однажды за ним устроили погоню. Он ехал на своей новенькой восьмёрке, и когда догоняющие его в машине гаишники открыли огонь по колёсам его автомобиля, он остановился. Его быстро скрутили и надели наручники. Несколько дней, его продержали в отделе. В бардачке его машины нашли пистолет Макарова, а в багажнике – автомат Калашникова. На него завели уголовное дело. Ходил слух, что следователя, который вёл это дело, вызвал к себе прокурор и попросил лично ему сдать это дело, после чего, это дело просто аннулировали. Несколько недель, почти каждый день я видел Чырыгу, понурого, можно даже сказать, серого, как дождливый день. А после, он и вовсе куда-то пропал, и больше я его уже никогда не встречал.

На тот момент исчезновения Чырыги уже начались странные события, время от времени взрывались машины, периодически начиналась стрельба в разных заведениях, в ресторанах, на рынках. Мы часто разговаривали, на эту злободневную тему. Мои разговоры с Франом и убеждения в том, чтобы он никуда не совался, оказались бесполезными. Фран и ещё двое ребят начали активно работать с Конгой. У них начали водиться большие деньжонки, радости не было предела, а вскоре и вовсе у Франа появилась первая машина. Когда мы виделись с ним, он стал уже совсем другим человеком. Из боязливой парня, он превратился в вытянутого надменного солдата той дворовой армии. Он часто делился со мной своими мыслями, а в частности тем, что происходит вокруг. Его возмущало, что люди вокруг стали жить несправедливо, все норовят обмануть друг друга и любыми способами разбогатеть. Его возмущало, что люди, которые занимают высокие посты и должности, все поголовно взяточники и хапают деньги и грабят, разваливая государственные предприятия, переделывают документы на себя и становятся собственниками. Людям, которые работают на предприятиях, зарплаты не платят и, произвольно разваливая предприятия, распродают всё имущество, потом они становятся собственниками, переделывая документы. Людей увольняют с работы, они остаются без средств к существованию. Многие, оказавшись в таком положении, не выносят таких жизненных перемен – умирают от инфаркта или с горя начинают пить. Люди, которые проработали на предприятиях огромное количество лет, которые после войны поднимали и возрождали эти заводы, оказывались за чертой нищеты, становились изгоями, ненужными государству и чиновникам. Мне было очень досадно всё это слушать, и то, что страна, которую защищали и строили наши деды, просто разворовывалась. Всё это приводило меня в ужас и вызывало непередаваемую ненависть и сердечную боль. В стране стоял хаос, и люди стали уже другими, они поделились на богатых и бедных. Я в то время работал на заводе, который выпускал электрооборудование. Когда-то этот завод был очень перспективным предприятием, работающим на всю страну СССР. Но вот пришло время, так называемой перестройки и развала. Директор завода пере-

стал платить людям зарплату, хотя предприятие работало и выпускало подстанции, и их всё ещё развозили по стране. Директор предложил приобрести по копеечной стоимости всем работающим на предприятии акции. Люди с настороженностью отнеслись к этому предложению, но часть людей всё же взяли такие ваучеры. Эти ваучеры или акции несли собой некий процентный статус предприятия. Время шло, зарплату не давали. Тогда директор собрал собрание и предложил всем сотрудникам выкупить у них по небольшой цене эти копеечные ваучеры. Люди, конечно, от своей безвыходности и безденежья отдали за такие же копейки эти ваучеры, поскольку нужно было кормить детей и платить за жильё. Когда директор скупил все ваучеры, то он автоматически стал полноправным владельцем завода. После этого он стал увольнять всех людей, технику распродавать, часть помещений тоже распродал, а на оставшейся части помещения он сделал ремонт, переделав все корпуса под аренду. И сдал всё в аренду. Завод оказался его собственностью, директор стал состоятельным и богатым. Без всякого труда государственное предприятие оказалось в частных владениях. Шло разворовывание всей страны. Но это было всё чуть позже, а пока я ходил на работу на завод, где люди перебивались с копейки на копейку и в недоумении не знали, что им делать и как им жить.

Вечерами всё так же мы собирались у пожарной части. После того, как пропал без вести Чырыга, на тренировки я и вовсе перестал ходить. Но время от времени меня всё же тянуло в спортивный зал. Как-то однажды я встретил Сёму. Он был старше меня лет на семь. Сёму я знал по рынку, на котором он работал, я там часто бывал, навещая там своих приятелей. Сёма любил спорт и занимался волейболом, когда-то он активно занимался боксом и знал много ребят по боксу, но после травмы он перестал заниматься этим видом спорта и с огромным желанием стал заниматься волейболом. Мы с ним разговорились. Сёма посоветовал мне пойти заниматься в спортивный комплекс под названием «Торпеда» к его очень хорошему знакомому тренеру А.П. Чернову (умер).

Мне понравилось предложение Сёмы. На следующий день мы подъехали к спорткомплексу. В этом здании было множество спортивных секций, в том числе и секция бокса. В большом зале играли в футбол и баскетбол перед тренировками в качестве разминки. В спорткомплексе было несколько этажей, он стоял отдельно от дороги в зелёной парковой территории. Мы зашли, поднялись на третий этаж, в секцию бокса. В зале за стеклянными дверями шла тренировка. Мы подошли вплотную к дверям, из-за стекла стали наблюдать. Нас заметили, и к нам вышел высокий широкоплечий с усами и лёгкой чертовщиной в глазах человек. Это был тренер А.П. Чернов. Он поздоровался с Сёмой, потом он протянул руку мне. Его массивная ладонь обхватила мою. Мы потрясли рукой в знак приветствия.

– Вот привёл тебе хорошего парня! – сказал Сёма Чернову.

Чернов улыбнулся, немного прищурил глаза и ещё раз посмотрел на меня, но уже как-то оценивающим взглядом с ног до головы.

– Ладно, посмотрим! – сказал Чернов. – Вы что, просто поглазеть пришли, или позаниматься?

– Позаниматься, – ответил Сёма.

– Тогда идите, переодевайтесь.

Раздевалка была напротив зала. Пока мы переодевались, Сёма, не останавливаясь, рассказывал про Чернова. В его словах я слышал только восхищение этим человеком и тренером. Мы переоделись и пошли в зал. Тут я увидел, как оттуда вышел Сушёный и стремительным шагом спустился по лестнице вниз. У меня опять закралась мысль в голове, что он, как человек-невидимка, везде. Он быстро появляется и так же незаметно и исчезает. Не зря же, о нём ходят легенды. Мы с Сёмой, посмотрели друг на друга. Сёма спросил меня:

– Знаешь этого человека?

– Да! – сказал я и кивнул.

Больше мы ничего не говорили. Молча, зашли в зал и начали заниматься.

Так я начал ходить в зал спорткомплекса «Торпеда» к А.П. Чернову. Сёма ввёл меня в курс, рассказав мне про каждого парня, который там занимался и я уже имел чёткое представление, кто есть кто. Сёма, как-то очень проникся ко мне и сразу меня предупредил, кто из ребят ведёт себя совсем не благородно по отношению к другим, вновь пришедшим. Стараясь найти более слабого партнёра, эти ребята якобы

по-дружески затягивали в ринг на спарринг, таким образом возвышаясь в глазах других. Таких было немного, но они были. Особо он рассказал мне про левшу. Он занимался давно и его преимущество перед теми, кто приходил и не знали его, было больше, к тому же он ещё превалировал тем, что он левша, а многие были не готовы к этому удару слева, особенно те, которые недавно начинали заниматься. Как известно, те люди, кто начинают только, что заниматься, как правило, думают, что они уже всё могут и уже достаточно сильны. Но про технику и опыт многолетних тренировок, они пока ещё ничего не знают. И их, очень легко подловить на их ошибках и неопытности. Вот таким моментом, как правило, и пользуются не совсем благородные спортсмены, которые хотят показать себя перед другими, и я уже имел однажды такой опыт такого спарринга с Косой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.